

Бажукова Оксана Александровна

канд. психол. наук, доцент

Гаджиева Гульнара Узмаиловна

студентка

ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р. Гамзатова»

г. Махачкала, Республика Дагестан

ВЛИЯНИЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТЬЮ

***Аннотация:** в статье рассматривается проблема дезадаптивного поведения подростков с умственной отсталостью. На основе теоретического анализа выделены основные типы поведенческих нарушений у данной категории детей – психопатоподобный, невротический и обусловленный неблагоприятными семейными условиями.*

***Ключевые слова:** поведенческие расстройства, дети с интеллектуальной недостаточностью, адаптация, дезадаптивное поведение.*

Среди актуальных проблем, с которыми сталкивается российское общество, заметное место занимает широкая встречаемость поведенческих нарушений у детей и подростков – состояний, препятствующих нормальному встраиванию растущей личности в социальную среду.

Вопросы деформации личностного развития в подростковом возрасте привлекали внимание многих исследователей – среди них Н.В. Васильева, Е.Н. Власова, В.Н. Иванченко, Н.И. Корытченкова, Е.В. Олышанская, В.Ф. Пирожков. В рамках накопленного массива работ детально рассмотрены патопсихологические предпосылки противоправных форм поведения: изучена роль отклонений от психической нормы, акцентуаций характера и смежных факторов. Социально-психологическое измерение проблемы также получило освещение – прежде всего применительно к особенностям взаимодействия подростка со взрослыми и со

сверстниками как условиям, способствующим нарушениям личностного развития. Вместе с тем целостное представление о системе психологических механизмов подобной деформации по-прежнему остаётся несформированным. Слабо разработанными оказываются вопросы о природе возможных первичных дефектов развития личности, о мере их воздействия на иные личностные качества, а также о характере взаимосвязей, складывающихся между отдельными свойствами личности, и о типах характерологических комплексов, возникающих в результате таких взаимосвязей [5].

У детей с олигофренией, демонстрирующих трудновоспитуемость, специальные педагоги и психологи выделяют несколько поведенческих паттернов, обусловленных различными механизмами нарушений. При психопатоподобном типе отклонений наблюдаются дисфории, выраженный активный негативизм, аффективная возбудимость с агрессивными проявлениями, а также повышенная раздражительность и внушаемость применительно к асоциальным формам поведения. Невротический тип нарушений описывается иначе: на первый план выходят высокая тревожность, резкое снижение самооценки, болезненная психологическая ранимость, избегание контактов и склонность к уединению, а переживание неудач, связанных с попытками занять определённую позицию в группе сверстников, приобретает гипертрофированный характер. Отдельно рассматривается группа детей, воспитывающихся в неблагоприятных семейно-бытовых условиях: для них характерно пренебрежительное отношение к классному коллективу, уклонение от взаимодействия с одноклассниками, неприязнь к педагогам и ориентация на общение с лицами, склонными к противоправным действиям [4].

Вопросы, связанные с нарушением поведенческой адаптации у подростков с интеллектуальной недостаточностью, хотя и занимают определённое место в специальной психологии и педагогике, остаются недостаточно проработанными на уровне научной литературы.

Теоретический анализ изученных источников показывает, что дезадаптивное поведение учащихся с умственной отсталостью тяготеет к нескольким устойчивым проявлениям. Среди них выделяются повышенная агрессивность и

конфликтность, а также противоположный полюс – тревожность, страхи и замкнутость. Помимо названных характеристик, исследователи фиксируют и иные формы, однако большинство работ сходится в том, что центральным признаком остаётся неадекватность реагирования на фрустрирующие ситуации.

Для диагностики были отобраны методики, позволяющие выявить личностные особенности испытуемых, устойчивые паттерны фрустрационного реагирования и стереотипы эмоциональных реакций. Полученные результаты соотносились с данными рисуночных проб, направленных на изучение неосознаваемых – либо частично осознаваемых – форм мотивации. Рисуночные методики занимают особое место среди инструментов психологического исследования: они дают возможность обращаться к наиболее труднодоступным пластам психической жизни, оставаясь при этом собственно психологическим, а не смежным методом.

Эмпирическая база работы – Республиканский центр социально-трудовой адаптации и профориентации, расположенный в Махачкале. Выборку составили 150 школьников с интеллектуальными нарушениями.

Поскольку дезадаптивное поведение во многом определяется условиями, в которых проходит социализация ребёнка, изучение личностных особенностей умственно отсталых подростков и характера внутрисемейных отношений представляется закономерным шагом исследования. Для диагностики были выбраны проективные методики «Дом-дерево-человек» и «Кинетический рисунок семьи», дающие возможность оценить аффективную сферу личности, актуальные потребности и степень социально-психологической защищённости подростка[1].

Диагностическое исследование было выстроено таким образом, что его открывали проективные рисуночные методики – выбор не случайный: именно они позволяют сформировать доверительный эмоциональный контакт между ребёнком и исследователем ещё до начала основной работы. Для детей с умственной отсталостью подобные задания воспринимаются значительно легче, чем стандартизированные опросники, поскольку не требуют развёрнутых вербальных ответов. За счёт этого рисуночные пробы выполняли роль подготовительного этапа,

облегчавшего последующий переход к тестированию по опросникам, которое само по себе представляет заметную нагрузку для подростков данной категории.

До начала тестирования с детьми проводилась предварительная беседа, в ходе которой уточнялось содержание понятий «дом», «человек», «дерево», «семья», «члены семьи», «родители» и ряда других. Каждому участнику выдавался комплект материалов: лист белой бумаги формата А4, цветные карандаши и ластик. Вместе с материалами сообщалась инструкция по выполнению задания. На протяжении всей процедуры велась фиксация затраченного времени.

Проективная методика «Дом-дерево-человек» была применена с целью получения данных об аффективных особенностях личности ребёнка, его актуальных потребностях и степени социально-психологической защищённости.

Расположение рисунков в левой нижней части листа, зафиксированное у большинства испытуемых, свидетельствует об импульсивности, неуверенности и переживании чувства опасности. Показательно, что отправной точкой для подавляющего большинства детей служило изображение дома – знака безопасности и тепла, который при этом помещался на переднем плане, в непосредственной близости к зрителю.

Преобладающая часть нарисованных домов представляла собой постройки с одной стеной, вытянутой по горизонтали. Подобная особенность изображения свидетельствует о нарушенной ориентации во времени, повышенной восприимчивости к внешнему давлению и переживании отчуждённости от окружающего. Окна при этом оказались закрыты на всех постройках, кроме двух, что указывает на затруднения в установлении контакта с другими людьми.

В большинстве рисунков кровля изображалась простым треугольным силуэтом с минимальной детализацией контура, что в проективной диагностике соотносится с низким уровнем развития воображения. Отдельного внимания заслуживает почти повсеместное отсутствие труб: лишь три работы содержали этот элемент, тогда как в остальных случаях он был опущен – подобное упущение принято связывать с недостаточной выраженностью психологической теплоты.

Схематичность в изображении человеческой фигуры преобладала в детских рисунках – проработка отдельных частей тела, как правило, оставалась минимальной. При этом некоторые элементы всё же выделялись: непропорционально увеличенная голова, трактуемая как неосознанное отражение представлений о роли мышления в человеческой деятельности, а также удлинённая шея, связываемая с торможением и регрессией, воспроизводились в работах с заметной регулярностью.

Туловище в большинстве работ принимало форму квадрата либо прямоугольника – геометрии, традиционно связываемой с маскулинными характеристиками. Плечи испытуемые трактовали по-разному: угловатая их прорисовка указывала на склонность к избыточной осторожности и защитным реакциям, тогда как покатая линия плеч соотносилась с переживаниями уныния, отчаяния и чувства вины.

Лицевые черты отличались упрощённостью исполнения. Глаза воспроизводились либо в виде точек, что говорит об интровертированности, либо как пустые глазницы – признак выраженного избегания визуальных контактов и враждебного отношения к окружающим. Нос большинство испытуемых изображали в форме латинской буквы «L», и такой способ передачи соотносится с презрительными установками и склонностью осмыслять социальные взаимодействия через иронические стереотипы. Волосы как атрибут мужественности получали различную графическую интерпретацию: кудрявые и рыхлые линии свидетельствовали о враждебных переживаниях, тогда как интенсивная штриховка указывала на тревожность, связанную со сферой мышления или воображения.

Конечности прорисовывались с заметной шириной, что расценивается как выражение интенсивного стремления к деятельности. Кисти рук и ступни во многих рисунках отсутствовали – подобное упущение интерпретируется как свидетельство затруднений, возникающих в межличностном взаимодействии.

Ствол на большинстве детских рисунков не касался земли – это свидетельствует о слабой укоренённости в реальном окружении, ограниченном контакте с внешней средой. При этом линии ствола выглядели достаточно прямыми, что

принято связывать с ловкостью и находчивостью. Крона в подавляющем числе работ оформлялась как округлая форма, очерченная либо сплошным выраженным контуром, либо пунктирной линией – оба варианта указывают на эмоциональную экзальтированность.

Эмоциональные связи внутри семьи и характер взаимодействия между её членами изучались с помощью проективной техники «Кинетический рисунок семьи», разработанной Р. Бернсом и С. Кауфманом в 1972 году; по завершении рисования с испытуемыми проводилась индивидуальная беседа[2].

Связь между характером семейного рисунка и межличностными отношениями зафиксирована в трудах ряда исследователей – как отечественных, так и зарубежных (Г.Т. Хоментаскас, W. Wolff, К. Маховер). Данная диагностическая процедура позволяет раскрыть специфику взаимоотношений внутри семьи, а также выявить эмоциональные затруднения, характерные для учащихся[3].

Полученные данные по методике «Дом – дерево – человек» были распределены по трём группам, что позволило упорядочить наблюдаемую картину результатов.

Первую группу составили работы, в которых прослеживаются признаки носительного психологического благополучия. Дома на этих рисунках изображены с открытыми окнами и дымоходами на крыше; фигура человека выполнена с соблюдением пропорций тела, детально проработана, черты лица прорисованы чётко, без выраженной тревожной штриховки. Дерево вписывается в общий масштаб листа и имеет пышную крону. Подобных работ в выборке оказалось немного – лишь 12%.

Ко второй группе были отнесены работы, отражающие средний уровень социально-психологической защищённости. Дома на этих рисунках изображались с закрытыми окнами и без дымоходов на крышах. Глаза передавались точками, волосы прорисовывались с интенсивной штриховкой. Деталей в изображении человека заметно меньше по сравнению с работами первой группы. Крона дерева воспроизводилась широкой и заштрихованной с сильным нажимом на карандаш.

Рисунки, соответствующие первой группе, были выявлены у 32% участников выборки.

Рисунки третьей группы соответствуют низкому уровню социально-психологической защищённости. Дом на таких изображениях занимает непропорционально малую часть листа, окна закрыты или вовсе отсутствуют – это свидетельствует о нарушенных контактах с внешней средой, дымоходы при этом не прорисовываются. Человеческая фигура решена примитивно: детали сведены к минимуму, однако те, что всё же присутствуют, несут выраженную враждебную символику – пустые глазницы, оскаленные зубы, вздыбленные волосы, оформленные в виде корон с чётко обозначенными гребнями; кисти рук и ступни отсутствуют. Деревья изображены мелкими и не соответствуют общему масштабу листа. На одном из рисунков выборки дерево представлено горящим. Доля подобных работ в рассматриваемой выборке составляет 56%.

По итогам применения методики «Кинетический рисунок семьи» участники исследования распределились на четыре группы – основанием для разделения послужил компонент благополучия, отражающий характер эмоциональных отношений между членами семьи.

К числу учащихся, чьи рисунки свидетельствуют о положительном характере внутрисемейных связей и об эмоционально позитивном отношении ко всем членам семьи, была отнесена первая группа, условно обозначенная как «благополучная».

Сопоставление нарисованного и реального состава семьи обнаруживает характерную закономерность: учащиеся данной группы воспроизводят всех членов семьи без исключения, включая себя в качестве полноправного участника изображаемого круга. Присутствие самого ребёнка на рисунке наряду с остальными членами семьи расценивается как показатель эмоционального благополучия. Фигуры при этом либо соединены руками, либо объединены каким-либо совместным занятием – деталь, указывающая на взаимный интерес и принятие внутри семьи. К самому заданию дети приступают без колебаний, не проявляя тревоги по поводу возможной неудачи. Примечательно, что первым персонажем, как

правило, оказывается мать или отец – тот из родителей, за кем ребёнок признаёт ведущую роль в семейной жизни. Символический план рисунков также заслуживает внимания: цветовая палитра оказывается насыщенной, а декоративные элементы – цветы, бабочки, орнаментальные узоры – выступают знаками реального переживания или желаемого ощущения покоя и безмятежности в семье.

В ходе последующей беседы учащиеся без затруднений называют изображённых персонажей, описывают занятия каждого из них, объясняют композицию рисунка и излагают истории, связанные с выбором того или иного сюжета. Среди гипотетических ситуаций, предполагавших выбор наиболее привлекательного члена семьи, мать оказывалась на первом месте в большинстве случаев. Отец занимал вторую позицию по частоте выборов. Само требование исключить кого-либо из семейного взаимодействия нередко вызывало растерянность или отказ от выбора – при этом роль «исключённого» чаще всего отводилась братьям, сёстрам, бабушкам или дедушкам.

Ко второй группе отнесены учащиеся, чьи рисунки указывают на эгоцентрические тенденции и воспитание по принципу «кумира семьи». Эмоциональные связи внутри семьи воспринимаются ребёнком как весьма тесные. На рисунках семья представлена в полном составе, при этом центральное место занимает сам автор. Собственная фигура прорисовывается в первую очередь, отличается особой тщательностью исполнения, обилием декоративных деталей и превосходит остальные персонажи по размеру – всё это свидетельствует о завышенной самооценке. Расположение прочих членов семьи на листе варьируется, хотя фигура матери, как правило, оказывается ближайшей к изображению рисующего, тогда как фигура отца помещается несколько дальше.

В ходе обсуждения итогов выполнения методики «Кинетический рисунок семьи» данная группа учащихся характеризует собственное состояние как наиболее благополучное.

Гипотетическая ситуация снимает внутреннее сопротивление, и выбор совершается без каких-либо затруднений.

Фигура отца нередко занимает место «вытесненного» члена семейной системы – именно он предъявляет ребёнку требования, будь то учёба или иные сферы деятельности. Мать при этом склонна воспринимать того же ребёнка как безусловно ценного вне какой-либо связи с его реальными достижениями.

К третьей группе относятся учащиеся, чьи рисунки указывают на определённое неблагополучие внутри семьи и негативное отношение к кому-либо из её членов. На изображениях семья представлена не в полном составе: один из реально существующих людей намеренно пропущен. Подобный пропуск отражает эмоциональное отчуждение от этого человека и желание свести его присутствие в жизни ребёнка к минимуму. Как правило, именно с ним связаны наиболее острые конфликтные ситуации – этот стиль получил обозначение «избирательно-отвергающий».

Рисунки учащихся данной группы отражают средний уровень эмоциональной близости между членами семьи. Персонажи располагаются разобщённо, дистанция между ними значительна, а собственная фигура автора помещается в стороне от остальных – всё это указывает на переживание отчуждённости. Заниженное ощущение своей роли в семье прослеживается в том, что фигура ребёнка изображается заметно меньше по размеру относительно других персонажей.

При анализе символического содержания рисунков нередко обнаруживаются образы, связанные с агрессией: пистолеты, ножи, ножницы. Наряду с этим встречаются изображения, трактуемые как признаки депрессивного состояния в момент создания работы, – звёзды, дождь, льющаяся вода и схожие мотивы.

Цветовое решение у учащихся этой группы варьируется по нескольким моделям. Часть рисунков строится на контрасте: персонажи, воспринимаемые эмоционально положительно, передаются яркими тёплыми оттенками, тогда как негативно окрашенные образы выполняются либо в чёрно-белой гамме, либо с использованием холодных тонов. Другая модель предполагает применение исключительно холодной цветовой палитры без тёплых включений. Третий вариант – полный отказ от цвета: работа выполняется карандашом в чёрно-белом

решении или обычной шариковой ручкой, даже если набор цветных карандашей находился в распоряжении ученика.

В процессе обсуждения рисунка дети, избегающие изображать кого-то из близких, как правило, прибегают к объяснениям, маскирующим истинную причину отказа. Звучат доводы вроде нехватки места на листе или сомнений в собственных способностях – всё это формулировки, ограждающие ребёнка от необходимости выразить негативное отношение напрямую. Когда же речь заходит о гипотетических сценариях, картина меняется: «лишний» персонаж называется без колебаний и почти мгновенно.

К четвёртой группе отнесены учащиеся, чьи рисунки указывают на слабость эмоциональных связей внутри семьи. Из графических работ прослеживается отсутствие у ребёнка ощущения принадлежности к семейной общности, переживание отверждённости и покинутости, подкреплённое негативным восприятием собственного «я» и сниженной самооценкой. Визуальными маркерами этих состояний служат либо полное отсутствие фигуры самого ребёнка на листе, либо её присутствие в единственном числе – нередко в виде миниатюрного изображения относительно общего пространства листа. На многих рисунках вместо людей появляются автомобили и различная техника промышленного характера.

Два рисунка из данной группы занимают особое положение: по формальным признакам они почти воспроизводят работы учащихся первой группы – члены семьи улыбаются, совместно участвуют в каком-либо занятии, объединены единой композицией, а сам рисунок отличается широкой палитрой и декоративными деталями. Расхождение с первой группой состоит лишь в отсутствии фигуры самого рисующего. Изучение психолого-педагогической документации и беседы с родителями прояснили ситуацию: в одном случае семья находится в состоянии развода на протяжении года, в другом – отношения между супругами близки к разрыву, хотя возможность примирения сохраняется. Разговоры с этими двумя детьми по итогам выполнения методики позволили установить, что изображённая ими семья отражает не реальное положение дел, а желаемое – то, каким ребёнок хотел бы видеть своё окружение. Собственными словами дети

формулировали это как надежду на то, что родители помирятся и всё вернётся на прежнее место. В гипотетической ситуации выбора оба называли отца и мать одновременно в роли предпочитаемого персонажа.

Остальные учащиеся, включённые в четвертую группу, демонстрируют принципиально иную картину. Втягиваться в процесс рисования они склонны с видимым нежеланием, пояснения к готовой работе дают скупое, ссылаясь на неумение рисовать, а от выбора в гипотетической ситуации отказываются, мотивируя это усталостью или общим нежеланием продолжать взаимодействие.

Рисунки учащихся со средним уровнем психологической защищённости, выявленным по методике ДДЧ, воспроизводят умеренную выраженность эмоциональных связей внутри семьи.

Рисунки учащихся с низким показателем психологической защищённости по данным ДДЧ нередко воспроизводят картину слабых эмоциональных связей внутри семьи – при этом у тех же детей фиксируется выраженная враждебность по отношению к окружающим.

Проективные рисуночные тесты, применённые для изучения поведенческих особенностей подростков с умственной отсталостью, выявляют прежде всего сниженный уровень социально-психологической защищённости в сочетании с недостаточно сформированной социальной компетентностью. Совокупность этих показателей указывает на нарушение процессов социальной адаптации у данной категории обследуемых.

Список литературы

1. Бажукова О.А. Коррекция дезадаптивного поведения умственно отсталых подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.А. Бажукова. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 24 с. EDN OHJOPN
2. Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф. Бурлачук, С.М. Морозов. – СПб.: Питер, 2002. – 528 с.
3. Маховер К. Проективный рисунок человека / К. Маховер. – М.: Смысл, 2000. – 154 с.

4. Омарова П.О. Роль семьи в социализации личности ребенка с отклонениями в развитии / П.О. Омарова, А.Н. Салахбекова // Вопросы гуманитарных наук. – 2005. – №4.

5. Специальная психология / под ред. В.И. Лубовского. – М.: Академия, 2003. – 464 с.